В житии князя Михаила Тверского, также поздней редакции (рукопись Гос. Публ. Библиотеки им. В. И. Ленина, собрания Ундольского № 1209, XVII в., лл. 58—60), плач Евдокии превращен в плач княгини Анны по убитом муже; поэтому понадобилось вставить в него описание убийства князя в Орде его политическими врагами. Это описание воспользовалось библейской фразеологией и связало плач с темой именно данного жития. Что же касается собственно лирической части плача, то она представляет собой несколько сокращенную передачу соответствующих эпизодов плача Евдокии. Автор как будто сам указывает на то, что ему известен и полный текст старого плача: „Сия и иная многая плача глаголаше", замечает он о княгине Анне. Таким образом, лишним, сравнительно с оригиналом, является в житии Михаила Тверского следующий эпизод: „Отверзоша на тя уста своя неправедная окаянный Кавгадый и вси врази твои. Иеремиев плач пререку: возвиздаша и поскрежеташа зубы своими и реша: поглотим, и восплескаша руками вси минующим путем, позвиздаша и покиваша главами своими. Подобне и о тебе ныне сбыться, великий княже! бысть яко медведь ловяй тя и преседяи, яко и лев в сокровенных, отгна отступающа и удержа тя и положи тя погибша, напряже лук свой и постави тя яко знамение на стреляние".

В житии Ольги в редакции Степенной книги из плача Евдокии сложены два плача княгини по Игоре. В лирические жалобы вдовы, очень близкие стилистически к сетованиям Евдокии, и здесь вплетены воспоминания о событиях, связанных с княжением Игоря, его смертью: „не бы слышала твоея пагубы, иже не от супостатных враг, но от своеземных ти людий. И не вем, что сотворити или к кому горкую сию печаль прострети" (ср. в „Сказании" о Борисе и Глебе плач Бориса по отце: „и не вем, к кому обратитися и к кому сию горькую печаль прострети, к брату ли... нъ тъ мьню..."[1]); „к сыну ли, но той вельми детеск еще, и не вем, от кого наказан будет, или кто снабдит державу ему"[2] (первый плач). Во втором плаче Ольги у „гроба Игорева" та же переработка плача Евдокии, применительно к биографии Игоря: „самый Царский град дани и выходы дароваху ти и многи победы на супротивныя показал еси... Зде пришед, идеже от безумных Древлян кровь твоя царская пролияся, и тело твое погребению предасться... сира вдова со единым сыном оставаюся... не вем, како враги смирити и всякая вражда утолити... И что ныне успеем, косняща господоубийцам врагом, ненавидящим над ними царския власти. И того ради да приимут месть, и да престанет дерзость в Рустеи земли помышляющих злое на самодержавных, да и прочии не навыкнут убивати государьствующих ими в Руси, но со страхом да повинуются величию царствия Руския державы началником". Так лирическая скорбь вдовы, выраженная вначале традиционными формулами XV в., переходит в злободневно для XVI в. звучавшую защиту царской власти от недовольных ею.

Подготовляя к сообщению о принятии Ольгой христианства, автор плача вводит размышления Ольги-язычницы о смысле мировой истории — она ищет нового понимания этого смысла: „И кто, когда каково утешение дарует ми, и ум мой на лучьшее утвердит и желание мое исполнит? И кто обрящется, возвещая ми, аще будет некая иная жизнь или другий мир? Сей бо мир преходит, яко же вижу, и несть хитрости, еже убежати кому смерти. Егда же како и мене постигнет смерть, и кто будет память

[1] С. Бугославський. Пам'ятки XI—XVIII вв. про князів Бориса та Гліба. У Київі, 1929, стр. 140.
[2] ПСРЛ, т. XXI, первая половина, ч. I, СПб., 1908, стр. 8—9.